

03
0-52

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

11-12

ОГИЗ

ГОСЛИТИЗДАТ

1944

М. ИСАКОВСКИЙ

Слово об отчизне

Советская отчизна,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?..

В минуту испытаний,
В боях с ордой громад,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Сыны твои бесстрашно
Врывались в самый ад,
Ложились под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросались с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливались грудью
На вражий пулемет,
В боях стояли насмерть
У речек, у высот...

Скажи: а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал, —
Ты сеяла, и жала,
И плавала металл;
И рубила в шахтах уголь,
Валила наземь лес,
Заводы возводила,
Сдвигала горы с мест...

Бессменно ты стояла
На вахте фронтовой,
Чтоб на врага обрушить
Удар смертельный свой.
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей.
И он пришел! Победа
Твоя недалекa:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи: какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величьи
Вовеки не вставал!
Ты выше всякой славы,
Достойней всех похвал.
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Придут и благодарно
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты несла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская отчизна,
Родная наша мать!

Содержание

	Стр.
М. ИСАКОВСКИЙ — Слово об отчизне, Две лирические песни, стихи	1
В. КАВЕРИН — Два капитана, роман (окончание)	3
И. БАУКОВ — Песнь об Отраде	37
К. А. ТРЕНЕВ — Полководец, пьеса	46
ВЯЧ. ШИШКОВ — Емельян Пугачев, историческое повествование (окончание 2-й книги)	78
Б. ПОЛЕВОЙ — От Белгорода до Карпат (Из дневника военного корреспондента)	130
ЛЕОНИД СОБОЛЕВ — Дорогами побед	165

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА

Генерал-майор Н. ЗАМЯТИН — Размах наступательных операций Красной Армии	174
Проф. А. СИДОРОВ — «Порт-Артур»	186
Проф. В. ДИТЯКИН — «Болгарская народная поэзия»	195
М. МОРОЗОВ — Переводы С. Маршак	200
Книжные новинки	204

Редколлегия: В. П. ИЛЬЕНКОВ, П. А. ПАВЛЕНКО, Ф. И. ПАНФЕРОВ,
И. В. ШАМОРИКОВ, С. П. ЩИПАЧЕВ, М. М. ЮНОВИЧ (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, Б. Черкасский пер., 2, 10, телефон КЗ-44-22.

19-й год издания. А 13030. Тираж 25 000 экз. Подписано к печати 13/1—1945 г.
Печ. листов 13,5. Уч.-авт. л. 26,28. В печ. л. 80540 экз. Цена 10 руб. Зак. 1204.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Два капитана

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

СВИДАНИЕ

Глава первая

ЖЕНА

Точно сиянием светящейся бомбы озарен в ночной, незнакомый вокзал на Вспенале, полный забот, трудов и волнений войны. Чего не увидишь в этом ярком, неестественном свете? Старший собирает команду, ругаясь, и люди строятся, но ошпысавшиеся, хмурые — война! На платформе, в ларьке выдают дозольственные, и бережно берут черный хлеб солдатские руки — война! Девочка лет пяти потерялась, отстала от эшелона, и уже по радио зовут ее мать — зовут и не могут дозваться. Война! Морик с мешком в одной руке, с чемоданом в другой слезает с московского поезда, спрашивает, где эвакуанты, и становится в очередь к начальнику в маленькой грязной комнате, битком набитой сидящим, стоящим и спящим народом, — война

Все вижу я и все помню. Но медленно среди света и тени находит дорогу сонание, над которым застывает и повисла гигантская светящаяся бомба войны.

Я вижу себя шагающим в город вдоль почтовых, по-летнему тихих полей. Проекторы бродят в поворном, мерцающем покорными звездами небе. Вот и город — на каждой улице меня останавливает и проверяет документы комендантский патруль. Вот и больница для ленинградцев, — дежурная сестра обстоятельно объясняет мне, что прошло уже три месяца, как в больнице нет ни одного ленинградца.

— Канцелярия откроется в девять часов, — говорит она, — а сейчас половина четвертого ночи.

Я ложусь на клеенчатый низкий диван. Я сплю и не сплю. Где моя Катя?

Наутро главный врач ведет меня в свой кабинет — белый стол, матовые окна, низкая белая кушетка, покрытая свежей простыней. Далекое воспоминание охватывает меня: семнадцатилетний мальчик, я сижу в приемном покое, а там, за приоткрытой дверью на низкой белой кушетке лежит Марья Васильевна с белым, точно вырезанным из кости лицом.

— Имя, отчество, фамилия, возраст? — спрашивает главный врач.

Я называю имя, отчество, фамилию, возраст, и, завязывая халат, входит сестра, которой он поручает найти катину карточку и историю болезни.

Мы курим и разговариваем, разговариваем и курим. Тысяча английских самолетов вновь атаковала Бремен. Что в Москве — правда ли, что подняли хлебную норму? Теперь, когда между нами, США и Англией подписано соглашение, — не думаю ли я, что скоро откроется второй фронт?

А в соседней комнате сестра перебирает карточки...

— Карточка — смерть, — перебирает она. — Карточка — жизнь.

Звонит телефон, и главный врач долго ругает завхоза. Я молчу, — насколько все-таки легче молча ждать, что принесет мне сестра — катину смерть или жизнь!

И сестра возвращается наконец. Еще доругивая завхоза, главный врач берет карточку в маленькую, почти детские руки.

— Ну, что ж, все в порядке, — говорит он. — Состояние приличное. Выписалась в марте месяце сорок второго года.

Насредно, я бледнею немного больше, чем полагается в подобных случаях, потому что он встает, обходит стол и, положив руку на мое плечо, повторяет:

— Состояние приличное. Выписалась в марте месяце сорок второго года.

И от души смеется, когда я прихожу в отчаяние, узнав, что в феврале у Кати было всего 42 процента гемоглобина...

Уехала с лагерем в Новосибирск — теперь это совершенно ясно. Хорошо бы в самый город — нет! Лагерь расположился в каком-то колхозе в двухстах километрах от Новосибирска. В ярославском облисполкоме я записываю

¹ Окончание. См. № 1—2 и 7—8 журн. «Октябрь» за 1944 г.

точный адрес: станция Верхние-Ядомская, село Большое Лубин, Шукшинского района, Шукшинского сельсовета и так далее — из двадцати пяти слов телеграммы катин адрес занимает семнадцать. Я прибавляю к нему свой, и для того, чтобы выразить все, что я чувствую и думаю, остается четыре слова.

Кроме этой телеграммы я отправляю из Ярославля еще три: в Энск, тете Даше, с извещением, что Катя жива и я вскоре надеюсь ее увидеть. В Москву — Вале Жукову, о том, что я не нашел Кати и что она, очевидно, выехала с лагерем в Новосибирск. В Москву же — Слепушкину, с просьбой разрешить мне дальнейшие розыски жены, как это было условлено в личном разговоре.

К сожалению, мне не удалось достать отдельный номер, а так хотелось остаться одному, отдохнуть и подумать! Впрочем, мой сосед, пожилой пехотный майор, без сомнения, нуждался в отдыхе не меньше, чем я, потому что в восемь часов вечера уже завалился спать, и ничто не могло разбудить его — ни скрип койки, на которой всю ночь я ворочался с боку на бок, ни то, что дежурная по коридору дважды заходила проверить затемнение.

Ночью он проснулся, чтобы покурить, и долго молча сидел, поджав под себя ноги, как турок. Я тоже закурил. Ничего я не знал о нем, он ничего обо мне, но мы молчали и думали об одном, глядя на красные огоньки наших папирос в темноте. Война соединила нас, двух незнакомых мужчин, в этом номере, и то, о чем мы думали, было войной, то есть общим делом сотен и тысяч мужчин. Накануне, после двухсот пятидесяти дней обороны, наши части оставили Севастополь.

Сосед докурил и уснул, я — тоже. Но, должно быть, не надолго, потому что в коридоре кто-то громко сказал:

— Половина второго.

Севастополь представлялся мне — ле тот суровый, раскаленно-пыльный, как бы выцвувшийся вперед навстречу своей великой доле, который я видел в сентябре 41 года, а прежний, полный смеха и молодых голосов. Но воскресения мы с Катей презжали в Севастополь, катера стояли у причалов, на Историческом бульваре моряки гуляли с девушками в белых платках и газовых шарфах. Мы любили смешную игру, которую придумала Катя, — как будто она — моя девушка, мы только что познакомились и теперь так же, как эти ребята, должны долго, вежливо гулять и целоваться украдкой. Как прекрасно все было тогда! Я вставал в пять часов, а Катя уже готовила завтрак, — легкий, когда я шел на высокий полет. Потом был жаркий, интересный день и

не только потому, что были интересные полеты, а потому, что я знал, что впереди еще «наше время», когда мы будем купаться в черной, опрокинувшей небо, воде, и маяк на Хараксе будет медленно загораться и гаснуть.

Наверно, это было очень трудно — быть моей женой, но Катя говорила, что ей было трудно только, когда она не знала, где я и что со мной.

И с необычайной ясностью мне вспомнилась наша единственная за всю жизнь ссора. Это было в Ленинграде, в 1936 году, когда поисковая партия была решена и со дня на день мы должны были ехать на Север. Не прошло и месяца, как скончался, оставив маленького сына, моя сестра Сая; мы волновались, не знали, как оставить ребенка, и решились, наконец, когда покойная Розалия Наумовна пошла «научную» няню. Решились и собрались, — и вдруг Петенька захворал.

...Бледная, расстроенная Катя сидела над бельевой корзиной, в которой лежал, раскинувшись, больной ребенок, и горько заплакала, едва я вошел. Я обнял ее.

— Да что с тобой, полно же, — говорил я и гладил ее по мокрой щеке. — Ты полегче. Ты догоняй нас в Архангельске, вот и все.

Что еще я мог ей сказать? В Архангельске поисковая партия должна была провести не более суток.

— О, как мне не хочется снова расставаться с тобой!

— Еще все устроится.

— Ничего не устроится. Всю зиму я хлопотала, чтобы экспедиция состоялась. Я сделала все, чтобы ты уехал, и вот теперь ты уедешь, и я даже не буду знать, где ты и что с тобой!

— Катя, Катя!

— Не нужно мне ничего. Не нужно этой экспедиции, все равно ты ничего не найдешь. Господи, неужели не стою я этого счастья, о котором другие женщины даже и не думают никогда! Да мало ли что может случиться с тобой?

Она видела, что я начинаю сердиться. Но она была в отчаянии, у нее сердце томилось, она все вставала и начинала ходить, крепко прижимая руки к груди.

— Я знаю, ты не хотел, чтобы я ехала с тобой! Вот скажи, что это неправда!

— Ну, полно!

— Хорошо, — сказала она с тем спокойным отчаяньем, которого, кажется, испугалась сама, — кончим этот спор. Я еду. Ты не хочешь, я знаю, потому что не любишь меня...

Мы говорили до утра. На другой день Петенька стало лучше, а еще через день он был совершенно здоров.

Это был первый и последний разговор о том, что всю жизнь мучило и волновало ее. Ей бы-

до тяжело, когда она думала, что никогда не проникнет в тот мир, ради которого я так часто забывал о ней, покидал ее. И еще тяжелее, когда она старалась не думать об этом.

Что же нужно было переломить в душе, чтобы проводить меня так, как она проводила меня в Испании? Когда в Сарабузе я впервые пошел в ночной полет свою эскадрилью, — от жены своего штурмана я случайно узнал, что Катя не спала всю ночь, дожидаясь меня.

Где же ты, Катя? У нас одна жизнь, одна любовь, — приди ко мне, Катя! Впереди еще много трудов и забот, война еще только что началась. Не покидай меня, Катя! Я знаю, тебе было трудно со мной, ты очень боялась за меня, всю жизнь мы встречались под чужой крышей, а разве я не понимаю, как нужен, как важен для женщины дом? Может быть, я мало любил тебя, мало думал о тебе, — прости меня, Катя!

.. Не знаю, наяву или во сне я умолял ее не покидать меня, хоть присниться, не верить тому, что я никогда не вернусь.

Глава вторая

ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ КОНЧИЛОСЬ

Не знаю, было ли часа четыре ночи, когда, открыв глаза, я увидел над собой бледное, сонное лицо дежурной по коридору.

— Вы Григорьев?

— Да.

— Телеграмма, надо расписаться. Зайдите, товарищ, — сказала она, и, осторожно стуча сапогами, красноармеец вошел и остановился у порога. — С военного телеграфа.

Я расписался и вскрыл телеграмму. «Немедленно выезжайте Архангельск Прибытие сообщите Лопатин».

Разумеется, телеграмма была из ГУ. Но почему не Слепушкин, с которым я договорился о дальнейших розысках Кати, если не найду ее в Ярославле, ответил мне, а какой-то Лопатин? Почему немедленно? Почему в Архангельск? Правда, для любых гидрологических работ по Северному морскому пути основной базой оставался Архангельск. Но разве Р. не говорил, что мы встретимся в Полярном, где его плацы должен был утвердить командующий Северным флотом?

Все это разъяснилось — и очень скоро. Но тогда, в Ярославле, в маленьком грязном номере гостиницы, приполнив синюю бумажную штору, я читал и перечитывал телеграмму, и досадное чувство запутанности, неясности, которое чем-то грозило Кате и отнимало у меня надежду вскоре увидеть ее, — это чувство все больше волновало меня.

Так ничего и не придумав, я вновь отправился на телеграф, и в село Большие Лубки,

Шуклинского района, Шуклинского сельсовета и т. д. полетела еще одна, на этот раз срочная телеграмма. Накануне я послал престую, потому что у меня было только семьсот рублей, а путь предстоял далекий.

Теперь мне предстоял нелегкий путь — всего тысячу километров на север от Кати...

С той минуты, как в М-ове я занял место в пассажирской кабине, прошло всего восемь дней. Но так много увидел я за эти восемь дней, что душа как бы отказалась принять все впечатления и согласилась лишь на те, которые были связаны с моей судьбою. Более полугода я видел одно и то же: стены госпитальной палаты и за ними чужой уральский город. Но вот он остался бог весть где, пропал, потонул в синей дымке, как не был, а навстречу мне полетели моментальные снимки Лендиграда, Москвы, Ярославля. Я сказал — моментальные. Но это были как бы запечатленные алмаз моментальные снимки. И равно вечен был суровый, требовательный Ленинград с его забытыми обнами-веками, под которыми таялась небывалая воля, и ночной вокзал на Везелье с его бессонницей, усталостью и грязью войны...

Вот что я узнал, явившись прямо с поезда в штаб военной флотилии: Лопатин, которого я ругал всю дорогу, оказался начальником отдела кадров ГУ. Лишь теперь я припомнил, что в Наркомате слышал эту фамилию.

Никакой путаницы не было в его телеграмме. Со времени моего отъезда из Москвы на Крайнем Севере произошли события, которые заставили контр-адмирала Р. немедленно вылететь в месту назначения. В Полярном на ему, ни мне уже нечего было делать, потому что командующий флотом, инспектируя базы, сам выехал в Архангельск. Свиданье его с Р. состоялось третьего дня. Очевидно, плач «интереснейшей штуки» был утвержден, потому что немедленно после этого свиданья Р. вылетел на трассе. Без сомнения, он очень торопился или мог обойтись без меня, плаче на мой счет в штабе флотилии были бы оставлены указания...

— Вы опоздали, капитан, — сказал мне начальник отдела кадров, добродушный, седой комиссар, с усами и полусеницами, похожий на старого матроса времен первой севавтозальской обороны. — Ума не приложу, что теперь с вами делать. Вьюгонку послать де станем.

И он приказал мне явиться через несколько дней.

Мне не удалось получить номер в гостинице, и я снял комнату в домике одного бухгалтера на Кузнечихе.

Вместо аванса хозяева немедленно получила часть моего сухого пайка, и старый бухгалтер, в благодарность, несколько дней рассказывал

мне бесконечную историю из бухгалтерской жизни, в которой были свои страсти и свой азарт, выражавшийся, главным образом, в том, чтобы все сделать во-время, к сроку и поразить своей точностью директора треста.

Но как изменился Архангельск, как, оставшись самим собою, он стал удивительно непохож на себя!

Американские матросы бродили по улицам в шапочках с помпонами, в клешах, в шерстяных рубашках, обтягивающих талию и свободные выпущенные на штаны. Англичане, с начальными буквами HMS (его величества корабль), держались немного строже, но и у них был беспечный вид, совершенно отличавший их от наших моряков и казавшийся мне странным. Негры встречались на каждом шагу — черные и оливково-черные, должно быть, мулаты. Китайцы стирали рубахи в Северной Двине, прямо под набережной, и громко болтая на своем гортанно-глухом языке, растягивали их под солнцем между большими камнями.

А Двина, такая просторная, русская, что другой такой, казалось, и не могло быть на свете, свободно раскинувшись, вела вперед свои полные воды. Как ножом отваливая сверкающую волну, проходила катера, все на ту сторону, к торговому порту...

Не иностранцы, на которых я смотрел с острым, но поверхностным любопытством, занимали меня в эти дни. Это был город Селова, Брусилова. На кладбище в Соломбале я долго стоял у могилы «корпуса штурманов поручика и кавалера Петра Кузьмича Нахтурова, скончавшегося 36 лет отроду от понесенных в походах трудов и огорчений». Отсюда капитан Татаринцев повел в далекий путь свою белую шхуну. Здесь умер в городской больнице «штурман Климов, единственный участник экспедиции, добравшийся до Большой земли. В местном музее экспедиции «Св. Марии» был посвящен целый отдел, и среди знакомых экспонатов я нашел интересное, новое для меня, воспоминание художника П., друга Селова, о том, как штурман Климов был найден на мысе Флора. Воспоминание было перепечатано из газеты «Архангельск» за 1917 год.

Вот что писал П.:

«Это было летом 1914 года. Только три дня тому назад «Фока» покинул зимнюю стоянку в бухте Тихой». Позади были несбывшиеся мечты о полюсе, долгая работа на Новой земле и на Земле Франца-Иосифа, только что окончилась тяжелой зимовка с голодом, болезнями, смертью товарищей, гибелью Селова во время санного путешествия к полюсу. Мы считали, что, испытав в полной мере все полярные невзгоды, мы теперь находимся в совсем бедственном положении, худшем, чем когда-либо... Никому не приходила в голову мысль, что не

дальше как сегодня мы встретим человека, которому положение «Фоки» покажется верхом благополучия...

Садился сырой туман, отпоявали стекла бинокля. Черная неясно берег, окаймленный тонкой полосой мелкобитого льда; с невидимой нам в тумане горы планирующим спуском скользили птицы над курящимся морем. «Фока» медленно подплывал к острову Нордбрук...

Вдруг среди камней на берегу я увидел предмет, похожий на человека. Да, человек! Он движется. Вся команда «Фоки» закричала «ура». Помнится, рулевой, держа одну руку на руле, выразительно провел другую над носом и отметил: «Ну вот, теперь-то мы и закурим».

Скомандовал отдать якорь, я еще раз внимательно взгляделся и запоздало ответил рулевому: «Подожди еще, слаетса мне, что там ждуть от нас табачком попользоваться».

Человек что-то делал у камней. Мы видели, как он пытался стукнуть в воду каяк, но беспомощно опустился на землю. Наконец это удалось ему, и он медленно поплыл к «Фоке», часто опуская весло — видимо, отыкая. Когда каяк был уже близок, сидевший в нем заговорил на чистейшем русском языке. Слабо звучал голос. До меня донеслось:

— Я штурман парохода «Св. Мария»...

Спустили с борта шторм-трап. Не могла подняться. Это был человек среднего роста, лютый. Бледное, сильно одутловатое лицо его носило редкой бородой. Одет в изрядно поношенный и выцветший морской китель. От слабости или волнения он не мог стоять и так, сидя на палубе, снова назвал себя:

— Климов, штурман со «Св. Марии». Я пришел с 83-го градуса северной широты. Прошу у вас помощи.

Такова была наша встреча с Климовым, одна из замечательных и неожиданных встреч за полярным кругом.

С утра, написав очередное письмо в село Большие Лубны и не зная чем еще заняться, я спускался вниз к Кузнечихе. Острый замах соснового бора стоял над рекой. Мост был разведен, маленький пароходик, огибая бесконечные плоты, возил народ к пристани от пролета. Куда ни взглянешь, везде было дерево и дерево — узкие деревянные мостки вдоль приземистых николаевских зданий, в которых были разбиты теперь госпитали и школы, деревянные мостовые, а на берегах целые фантастические здания из штабелей свежераспиленных досок. Это была Соломбала, а я лезел дом, в котором жил капитан Татаринцев летом 1913 года, когда спарилалась «Св. Мария».

Он спускался с крыльца атого маленького бревенчатого дома и шел через садик — широкоплечий, высокий, в белом кителе, с усами,

по-старинному загнутыми наверх. Упрямо наклонив голову, он слушал какого-нибудь кучера Дехидова, который требовал у него денег за солонину или «приготовление готового платья». А там, в торговом порту, среди тяжелых грузовых пароходов с боковыми колесами, была чуть видна тонкая, стройная шхуна — слишком тонкая и стройная, чтобы пройти из Архангельска во Владивосток вдоль берегов Сибири.

Одно незначительное, но важное для меня событие странным образом оживило эти туманные картины.

...Накануне пришел конвой, и я поехал на Бакарицу посмотреть, как разгружаются иностранные суда, а заодно пройтись и по самой Бакарице, на которой не был с 1936 года.

Ого, как вырос, каким просторно-прочным и солидным стал этот старинный порт! Должно быть, километра два прошел я вдоль причалов, а все еще не было конца подъемным кранам, складывающим в высокие прямоугольные штабеля разные военные и не военные грузы. И порт еще достраивали, удлиняли. Я дошел до конца и остановился, чтобы одним взглядом охватить плавно заворачивающуюся, как бы откинувшуюся назад линию — панораму причалов. И вот, именно в эту минуту маленький пароходик, энергично пыхтя, обогнул большую американское судно с «Харрикейном» на носу и стал подходить к причалу. Я взглянул на его название: «Лебедин» и, помнясь, подумал, что это красивое имя стало, должно быть, традиционным в северных водах. Так звался пароход, на котором друзья и родные Гагарина подошли к его шхуне, чтобы в последний раз обнять капитана и пожелать ему «счастливого плавания и достижений». Возможно ли, что это тот самый «Лебедин», который в одной статье был назван «первым русским ледоколом»? Конечно, нет!

Матрос катил по сходням бочку с горячим. Я попросил его позвать капитана, и минуту спустя румяный парень лет двадцати пяти, в простой синей спецовке, вышел на палубу, вытирая тряпкой черные от масла руки.

— Товарищ капитан, у меня к вам исторический вопрос, — сказал я. — Вы случайно не знаете, до революции ваш буксир тоже звался «Лебедином»?

— Да.

— Когда он спущен?

— В 1907 году.

— И всегда ходил под этим названием?

— Всегда.

Я объяснил ему, в чем дело, и он со спокойной гордостью оглядел свое судно, точно никогда и не сомневался, что оно займет свое место в истории русского флота.

Быть может, это покажется немного смеш-

ным, но встреча с «Лебедином» обрадовала и необычайно оживила меня. Я прочел жизнь капитана Татарнинова, но последняя ее страница осталась закрытой.

«Еще ничего не кончилось, — как будто сказал мне этот старый буксир с таким румяным молодым капитаном. — Кто знает, может быть, придет время, когда тебе удастся открыть и прочитать эту страницу?»

Явившись в третий раз к начальнику отдела кадров, я попросил его послать меня в подпол, если это невозможно, направить в распоряжение командования ВВС Северного флота.

Без сомнения, он был уже в курсе моих личных и служебных дел, потому что, помолчав, спросил с добродушно-одобрительным видом:

— А здоровье?

Я отвечал, что здоровье в полном порядке. Это была правда или почти правда — на севере я всегда чувствовал себя лучше, чем на юге, западе и востоке.

— Ладно, чем в такое время болтаться без дела, пускай найдут применение, — неопределенно, но вполне разумно, сказал начальник отдела кадров.

Конечно, он имел в виду применение на земле. «Чорта с два, буду летать!» — немеленно подумал я, глядя на его старую, но крепкую руку, которая вывела и дважды подчеркнула мою фамилию на перекидном блокноте-календаре.

Глава третья

«СВОБОДНАЯ ОХОТА»

Все превосходно — капитан является в полк, командир полка представляет его товарищам, экипажу. Этот задумчивый, равнодушный штурман-латыш с трубкой, в широких штанах замечает ли он дорогого погибшего Лури?

Среди летчиков капитан находит своих бывших учеников еще по балашовской школе. Он живет в новом рубленом доме, стены которого еще пахнут смолой, в просторной комнате вместе со своим экипажем, и вид из окна напоминает ему молодость в маленьком городе за полярным кругом.

С изумлением он убеждается в том, что многие летчики знают его и даже считают несправедливым (разумеется, без малейших оснований), что у него только два ордена, а не четыре. Итак, все прекрасно. Но на деле все далеко не так прекрасно, как это кажется с первого взгляда. На деле капитан не спит по ночам, читая и перечитывая письмо из села Большие Лубны, в котором какой-то директор Перышкин сообщает ему, что Катерина Ивановна Григорьева-Татарнинова, насильно ему